

The background of the cover is an abstract painting. It features several hands rendered in shades of brown and tan, appearing to be part of a larger, textured composition. The overall color palette is dominated by warm, earthy tones like ochre, sienna, and terracotta, interspersed with cooler, muted greens and greys. The texture is highly detailed, with visible brushstrokes and a sense of depth and movement.

Сергей Прокопьев

**ДОЧЬ
ЦАРСКОГО
КРЕСТНИКА**

повести и рассказы

16+

Сергей Николаевич Прокопьев

Дочь царского крестника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44592315

SelfPub; 2019

Аннотация

Эта книга о «русских китайцах» – драматической странице эмиграции XX века. Русские города и посёлки построены в Маньчжурии вместе с КВЖД – Харбин, Хайлар, Бухэду, Ананси... Гражданская война в России увеличила их население. Казаки и крестьяне, купцы и дворяне жили в Поднебесной дореволюционным укладом. Но в мире начались тектонические сдвиги. В 1931-м Маньчжурию оккупирует Япония, в 1945-м освобождает Красная Армия. Едва не каждый четвёртый русский мужчина Маньчжурии оказывается в лагерях ГУЛАГа. А в пятидесятые годы «русские китайцы» разъезжаются по всему свету – Советский Союз, Австралия, США...

Содержание

От автора	4
Везучий из Хайлара	8
Невеста невестная	8
Разведчик с крыльями	11
Летели шпаной	22
Смерш	27
Генерал	47
Поезд	50
Святые	56
Мостырка	63
Пальто	70
Кухвайки	73
Внутренняя тюрьма	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

От автора

Эта книга по тематике созвучна с другой моей книгой «Драгоценная моя Драгоценка». В последнее время довольно часто можно услышать о Русском мире, его значении, его вкладе в мировую цивилизацию. Одним из островов этого мира на протяжении нескольких десятилетий двадцатого века была Маньчжурия. Дикий, богатый край принялись заселять русские с началом постройки Китайской Восточной железной дороги. Социальные потрясения в России, связанные с отречением царя, Октябрьской революцией, Гражданской войной, коллективизацией привели к массовому притоку русского населения в северную часть Китая. Строились города, станции, сёла. Царская Россия стала Советским Союзом, а отколовшийся от неё остров под названием Маньчжурия продолжал жить прежней жизнью в двадцатые, тридцатые, сороковые годы, а в пятидесятые Китай обратил внимание на свою северную провинцию, стал вытеснять русских, вынуждая уезжать в Советский Союз, Австралию, США, Бразилию...

Как-то судьба свела меня с профессором из США Ларисой Манчестер. Для меня – Ларисой Манчестер, так как она человек православный, крещена Ларисой. Отец у неё писатель, в доме были романы Достоевского, читая их в подростковом возрасте, Лариса заинтересовалась Россией. Начала

осваивать русский язык. В одну из своих поездок в Советский Союз приняла православие. И вот уже на протяжении более двадцати лет изучает Россию профессионально. Одна из её тем – русская эмиграция, в частности – харбинцы, те, кто жил в Маньчжурии. Общества харбинцев есть во многих городах России: Москве, Омске, Челябинске, Новосибирске, Владивостоке. Есть землячество в Австралии. Сегодня настоящих харбинцев, кто приехал в Советский Союз из Китая, остаётся всё меньше и меньше. Пик их активности пришёлся на девяностые годы двадцатого века. Тогда и посчастливилось мне познакомиться с ними. Если уж американский учёный проявляет интерес харбинцам, мне, русскому, сам Бог велел погрузиться в этот необычайно интересный материал, полный житейских драм и трагедий.

В круг харбинцев ввела Елена Николаевна Захарова. Она, рассказывая о своём отце, подвигла к написанию повести «Дочь царского крестника». Первой повести «харбинского цикла». А ещё Елена Николаевна поведала о юношеском чувстве своего будущего мужа к однокласснице. Это произошло у отрогов Большого Хингана на одной из крупнейших станции Китайской Восточной железной дороги – Бухэду. Влюблённые навсегда расстанутся в семнадцатилетнем возрасте, а через пятьдесят лет Елена Николаевна обнаружит в газете харбинцев заметку под рубрикой «Отзовитесь, земляки», где будет указан муж, уже покойный. Искала его та самая юношеская любовь, её фотографию муж бережно хра-

нил всю жизнь. Елена Николаевна показала эту крохотную фотографию с трогательной подписью на обороте, показала открытку, которую когда-то давным-давно, в другой жизни, получил её муж от одноклассницы, которая пронесла свое девичье сердечное чувство через всю жизнь. Об этом говорили её письма к Елене Николаевне.

Из разговоров с Захаровой родилась повесть «Кукушкины башмачки». Обдумывая её, отправил героев за цветами и вышел на тему, благодаря которой рассказ получил новое звучание и своё название. В телефонном разговоре принялся расспрашивать Елену Николаевну о цветах Бухэду. Узнал, что в окрестностях станции росли башмачки. Елена Николаевна пояснила: в России услышала другое название цветов – венерины башмачки, они относятся к диким орхидеям. Я знал по своему детству эти ни с чем несравнимые цветы, но в моей памяти они – кукушкины башмачки. Начал расспрашивать у друзей, с кем рос в Красноярском крае, ходил в один лес. Но внятного ответа не получил. Мне говорили, что кукушкины слёзки мы собирали, кукушкины башмачки – нет. В какой-то момент решил: в памяти что-то сместилось, ведь за этими цветами в лес детства не ходил лет сорок. Оказалось – вовсе нет. Великое дело интернет, помог прояснить спорный вопрос. Есть кукушкины башмачки! Есть!

Одна из встреч с омскими харбинцами обернулась знакомством Георгием Михайловичем Филатовым, человеком трагической судьбы и его женой – замечательной Натали-

ей Иннокентьевной. Как водится в таких случаях, напросился на беседу... Встречались мы несколько раз, но та самая первая (длилась более восьми часов) стала определяющей в решении написать повесть-исповедь, повесть-монолог, которая получила название «Везучий из Хайлара»...

Частично о трагедии казачьего села Тыныхэ из Трёхречья, его мужское население было почти полностью расстреляно карательным отрядом, который осенью 1929 года пришёл из Советского Союза в Маньчжурию для совершения устрашающей акции против русского населения, я рассказал в повести «Драгоценная моя Драгоценка». В эту книгу включил повесть «Бабушка Пелагея из Тыныхэ», в ней ещё раз вернулся к этой страшной истории, сравнимой с трагедией деревень – белорусской Хатыни и вьетнамской Сонгми.

Везучий из Хайлара

Повесть

Невеста невестная

Мы сидим с Георгием Николаевич Филипповым за столом. Великий Пост. Но и великий праздник – Благовещение. На столе рыба, коньяк. Георгий Николаевич из людей, о которых говорят: сразу видна порода. Напоминает русского баса из Австралии – Александра Шахматова. Кстати – они земляки, певец тоже родился в Маньчжурии, потом их семья перебралась в Австралию. Шахматов лет на двадцать пять моложе Георгия Николаевича. Статью, разворотом плеч, посадкой головы, осанкой и, я бы сказал, сосредоточенностью тела, когда нет ничего лишнего, они схожи – будто из одного корня. Красивый, могучий старик сидел передо мной. И в молодости, об этом говорили его фотографии, он был красив аристократической красотой, в которой сочетались правильные черты лица, умный взгляд, достоинство. Он был из другой эпохи. Из той России, которая после революции семнадцатого продлилась в Маньчжурии на тридцать лет. Советский Союз переиначивал страну, культуру, традиции царской России, а в Маньчжурии русские жили прежним укла-

дом.

В углу висела икона. Я, войдя в комнату, перекрестился на неё и сказал:

– «Умиление».

Георгий Николаевич поправил:

– Жена называет «Невеста Невестная».

Есть и такое, а более полное – «Радуйся, Невеста Невестная». Любимая икона святого преподобного Серафима Саровского. Дева Мария со скрещенными на груди руками. Она только что смиренно приняла весть от архангела Гавриила, что через Неё придёт в мир Спаситель. Разглядывая образ, подумал: хороший знак. Мы в течение полугода договаривались о встрече с Георгием Николаевичем. Несколько раз получалось так, что в удобный для меня день он не мог, и наоборот. Жили в разных концах города. Наконец договорились встретиться на Благовещение, прихожу, а в доме икона праздника в красном углу.

Икона была старинной, в Маньчжурию привезена в конце XIX из России. Более полувека провела в Китае, и снова вернулась домой.

Голос у Георгия Николаевича густой, сочный. Когда я в самом начале беседы обратил внимание на это, Георгий Николаевич заулыбался, моя похвала пришлась ему по душе, произнёс:

– Будь мы сейчас в лесу, я бы по-настоящему продемонстрировал вам голос, сила ещё осталась. Не та, что была ко-

гда-то на лесоповале, но ещё есть порох в пороховницах!

Григорий Николаевич начал рассказывать о себе с того дня, как нагрянула в Хайлар на несколько часов война и его жизнь, и всех его родных, и всех русских, кто жил в Маньчжурии, круто переломилась.

Разведчик с крыльями

Девятого августа 1945 года, спим. Мне двадцать пять лет, брату Женьке двадцать один, папе сорок семь. Жили в городе Хайларе, это Маньчжурия, крупная станция Китайской Восточной железной дороги, то бишь – КВЖД. Район богатый: скотоводство, земледелие... Река Аргунь – полно было рыбы... Лето сорок пятого стояло жаркое. Одноэтажный дом, окна, двери раскрыты. Вдруг слышу – самолет. Месяца четыре не появлялись. Ни одного. Авиатопливо японцы экономили в последнее время. До этого непрерывно каждый день летали... Хайлар окружён сопками, в них японцы руками китайцев – тысячами сгоняли, а затем уничтожали отработанный, обладающий секретной информацией материал – за четыре года возвели один из самых мощных укрепрайонов Квантунской армии. Углубляясь в землю, японцы окружили город железобетонными дотами. Склон сопки, и вдруг расходятся плиты, из подземелья выдвигается огромное осадное орудие... А если вниз спуститься – военная техника, запасы оружия и продовольствия, жилые помещения, лазареты, железная дорога, электростанции, водоснабжение, вентиляция... Катакомбный город, километры галерей на разных уровнях. И всё для того, чтобы ожили в один момент сопки вокруг Хайлара, сотни скрытых огневых точек, расположенных в несколько ярусов на склонах – пулемёты, артил-

леристские орудия, зенитки... – открыли стрельбу. К ним по штрекам и траншеям потекли боеприпасы... Тысячи солдат под защитой бетона были готовы вступить в войну...

При японцах мы, русские, в подземную крепость попасть не могли. Приблизиться нельзя – запретные зоны. Выходить из Хайлара разрешалось в строго определённых местах. Кладбище не можешь посетить, для захоронений отвели место далеко за городом. Квантунская миллионная армия собиралась до Урала захватить Советский Союз. Японцы в подпитии, не стесняясь, говорили нам: «Русские всё равно не справляются, а у нас земли не хватает». А потом собирались дальше пойти на запад, намереваясь прибрать к своим рукам как можно больше чужого, «собрать восемь углов мира под одной крышей», само собой – японской. Тем не менее строили в Маньчжурии вот такие оборонительные укрепрайоны.

Брат Женька с друзьями после ухода японцев спустился в одно подземелье трофеями разжиться и заблудились они... Указатели в виде иероглифов, и ходы-ходы, вверх-вниз, в стороны – не разбери-поймёшь, куда идти... Вонь невыносимая, то тут, то там трупы. Целыми подразделениями японцы харакири делали. Офицеры и солдаты, сидя на кроватях, резали себя... В самом Хайларе такое тоже случалось: японец сначала свою семью вырежет, а потом – себе харакири... Народ страшно кровожадный. Даже к себе. А уж к другим во много раз хуже немецких гестаповцев. Женька с друзьями почти три дня плутал по лабиринтам, случайно удалось

выскочить...

С апреля 1945-го японцы перестали летать над Хайларом. И вдруг самолёт... Высоко зудит. Часов семь утра, пора вставать, слышу, в доме кто-то шебаршит. Папа. Жили мы тогда втроём...

Что уж произошло между родителями? Папа с мамой разошлись. Мама в тридцать седьмом решительно настроилась на Советский Союз. Она какое-то время работала на КВЖД, потом была домохозяйкой, в 1935-м дорогу продали японцам, многие служащие дороги поехали в Советский Союз. И угодили под пресс НКВД.

Брат отца дядя Федя отбыл в Союз ещё раньше, в тридцатом году. Его жена Лариса была яркой коммунисткой, руководителем по партийной части. Могла зайти в квартиру железнодорожника и сбросить иконы. Родилась в Маньчжурии, в Харбине, воспитывалась в период бурного расцвета КВЖД. Никаких революций в глаза не видела. Кто ей мозги засорил? Дядя Федя не хотел уезжать, она настояла. «Вы скоро будете работать за чашку риса!» – клеймила остающихся. Сфотографировались в Хайларе, есть у меня это фото, и уехали к её родителям под Оренбург, в деревню. Там нищета. Лариса коммунистка, а на всякий случай прихватила из Маньчжурии несколько рулонов материала на костюмы и платья. Тряпочных ценностей надолго не хватило.

«Куда ты привезла детей?» – сокрушались родители Ларисы.

Обратная дорога в Китай закрыта. Переехали в Ленинград за лучшей долей. В тридцать третьем дядю Федю арестовали. Тогда ещё срока давали детские. Два года отсидел – выпустили. Представляю, что пережил дядя Федя при аресте и какую радость испытал, получив свободу. Наверное, думал: «Два раза снаряд в одну воронку не попадает». Попадает, в тридцать седьмом снова арест. Был специальный приказ Ежова, по нему приехавших с КВЖД делали «врагами народа» и уже меньше восьми лет не давали.

Как дядя Федя играл на гармошке! Мужчина сам по себе крупный. Гармошка детской игрушкой в его руках. Но что вытворял-выписывал на клавиатуре! Осенью тридцать седьмого по Хайлару ходил гармонист. Бабушка с дедушкой пригласили к себе в дом: поиграй, повесели душу. Он рад стараться подзаработать. Бабушка под переливы гармошки как расплачется: «Нет моего Феденьки в живых, нет!» Я в девяностом наводил справки в КГБ, запрашивал информацию о дяде, ответили: «Высшая мера». Его расстреляли в том же тридцать седьмом. Материнское сердце точно почувствовало. Мне сообщили о месте расстрела – под Ленинградом была пустошь, где производили массовые захоронения. Дескать, желаете поклониться – пожалуйста, у нас нет секретов. Ларису тоже расстреляли. А детей их, двоюродных моих брата и сестёр – Витю, Дашу и Полину, как ни искал – никакого следа. В тридцать седьмом родителей забрали, и следы потерялись...

Маму мою замучили японцы в том же тридцать седьмом. Какая была красавица! Именно красавица. Папа ростом под метр девяносто, мама ему по плечо. Густые солнечные волосы. И сама вся солнечная, улыбающаяся. Не раз слышал, как отец говорил с восхищением: «Зоя, ты у меня шедевр!» Мама одно время работала бухгалтером на дороге. А ей бы, наверное, петь... Сильный, грудной, от природы поставленный голос. Просто роскошное меццо-сопрано. И владела им в полной мере... Как услышу романс «Я ехала домой...» – всё: мыслями улетаю в Хайлар... Мама пела и играла на гитаре, а папа играл на балалайке. К родителям частенько приходили друзья. Папа меня посылает:

– Юра, принеси вина.

Открываю погреб, а правая стенка – сплошь вина, три полки уставлены. Начинать надо с нижней. Вина отец держал только французские – бургундские, бордосские... А ещё были ликёр «Шартрез», коньяк «Белая лошадь». Нигде больше такого не видел. Кого не спрашиваю – никто не знает. На хайларском вокзале работал буфет шикарный, и стояла (не знаю, из чего сделана) большая белая лошадь – символ коньяка. Потом не стало. Вина у отца были отменные. Гости с удовольствием пили, я с удовольствием нырял в прохладу вкусно пахнущего подвала. Мне папа вино разрешил, когда восемнадцать исполнилось. Из Харбина приехал, он посадил за стол:

– Сын, наливаю тебе рюмочку вина, ты со мной должен

выпить.

– А почему, – спрашиваю, – раньше нельзя было?

– Тебе восемнадцать исполнилось. Возраст зрелости.

Я опустошил рюмочку.

– И пиво, – сказал, – можешь стакан выпить.

Папа сам вино почти не употреблял – глоток-другой, но любил угощать. Гости, подвыпив вина, непременно просили родителей спеть. Папа чуть подпевал, а мама...

У меня голос от неё, конечно. И тоже природой поставленный... На лесоповале на Урале конвойные развлекались. На делянке скучно им торчать без дела, кричат мне:

– Мужик, крикни!

Когда дерево пилят, в самый последний момент оно щёлкнет: огромная сосна тем самым даёт знать – сейчас будет падать. И надо предупредить окружающих криком:

– Бойся!

Могучее дерево, падая, всё сокрушает на своём пути: ветки соседних деревьев, сухостой... Не дай Бог человеку оказаться внизу... На делянках мы скученно работали – конвойным так легче следить. На их просьбу как закричу... И сам поражался мощи голоса. Будто огромный столб вырывался из горла и рос к верхушкам высоченных сосен, уходил в небо:

– Бо-о-о-о-й-ся-я-я-я-я!

Я сидел в лагере с Лавровым, сценическая фамилия Турчанинов.... Он пел в Харбине в театре «Модерн», а после

освобождения в Омской музыкальной труппе пел и ставил спектакли. Говорил, что такой силы голос, как у меня, встречал только у Шаляпина. Фёдор Иванович приезжал в Харбин в 1938-м. Я-то, конечно, не певец, так, для себя. Но крикнуть мог. Даже когда доходил от голода, сила в горле оставалась... Как гаркну на всю тайгу:

– Бо-о-о-о-о-й-ся-я-я-я!

Без какого-то напряжения. Стоило набрать побольше воздуха... Конвойные, бывало, скажут:

– Ну, ты даёшь мужик! Ну, голосище у тебя!

На делянке старший надзиратель внизу ходит, остальные на вышках. Запрещено спускаться, как-то один, смотрю, спускается. Козью ножку свернул, махорки насыпал, закурил и на пенёк положил – дескать, мужик, возьми! Я в трёх шагах стоял. За голос угостил. У нас за спичечный коробок махорки надо было половину суточной нормы хлеба отдать... Царский подарок, можно сказать...

Из-за голоса мне пришили дело.

В сорок третьем зашёл в Харбине на центральную почту, отправлял заказное письмо. В помещении провода кругом, как шлангитолстые... Японцы снимали документальный фильм. И вдруг меня подзывают и просят поговорить в микрофон. Услышали, как я разговаривал со служащей почты. Их заинтересовал мой зычный, чёткий голос... Я-то думал, для кино... Меня на звуки «ша», «жэ», «эс», «чэ», в частности, проверяли. Произношу, а они смотрят на прибор

со шкалой, вижу: стрелочка даже не колеблется. Чистый голос. Посмотрели мой паспорт, записали адрес, а в августе сорок третьего пригласили диктором на радио. Так я стал работать в Хайларе на ширококвещательной радиостанции, бюджетная городская станция... Как, оказалось, Читинское НКВД нас слушало. Мой голос знали...

За год до этого мама засобиралась в Советский Союз, она была советской подданной... Я был уверен: не уедет, просто женский каприз. Но она перебралась из Хайлара в пограничный город Маньчжурию, следующая станция уже советская – Отпор, сейчас переименован в Забайкальск. Стала хлопотать разрешение на постоянное жительство в Советский Союз. Написала в Верховный Совет СССР прошение. Через две недели пришла, ей говорят: пока никаких известий. Ещё через месяц заглянула, опять нет ответа. Вышла из консульства, её два японца подхватили под руки и в фордышку – легковой «форд» – засунули...

Отец лишь в 1945-м, как японцев турнули, всё разузнал. Обслуживали японцев в тюрьме китайцы. Повара, лакеи... Осенью сорок пятого один из них рассказал отцу. Маму пытали, привязали к скамейке... Боже, мою красавицу маму, за что? Шили ей дело – советская шпионка. Вот и получилось: над ней издевались, будто она советская шпионка, надо мной – будто я японский шпион. Маму лицом вверх к скамейке привязали и принялись из чайника воду лить в нос...

Пытка под названием «чайник Шепунова». Вливается в

нос вода с солью и перцем, и ещё чем-то... Жуткая, говорят, боль... Человек теряет сознание, его обливают холодной водой, приводят в чувство и продолжают пытку... Был такой русский приспешник у японцев – Шепунов, изверг, он изобрёл этот чайник, и сам издевался, и японцы пытку переняли. Пытать они любили.

Есть, не помню чьи, стихи:

Какое же ты чудо, человек!

Какая же ты мерзость, человек!

Мама захлебнулась...

Похоронили её тайком, ночью. Китайцам строго-настро-го наказали говорить всем, что маму отпустили, но она, дескать, вместо того, чтобы идти домой, ушла по шпалам в Советский Союз...

Бред...

Я написал в международный Страсбургский суд, во Францию... Там и наши юристы сидят. Потребовал с Японии два миллиона долларов за моральный ущерб. Уничтожили человека ни за что. Женщину, мою маму замучили. Ответ пришёл: «Мы с удовольствием занялись бы этим делом, но, к сожалению (крайне любезное письмо), Япония до сих пор не заключила с Россией мирный договор. Если это случится и вы будете живы (мой преклонный возраст они учли), мы обязательно возьмёмся за ваше дело. И вы будете счастливы,

справедливость восстановится».

Вот и жду своего «счастья»...

Девятого августа сорок пятого был последний день моей свободной жизни в Китае... Слышу самолет... Японцы, как Красная Армия победила немцев, переменялись. До этого в Хайларе стояли отборные части, солдаты лоснились – молодые, откормленные, по воскресеньям возили их к гейшам. Вместо них старики появились, плетётся такой вояка, худущий, ремень болтается, штык, у японцев длинные были, едва не по земле волочится. Самолёты перестали надоедать постоянным гулом... И вдруг будит... Я поднялся, вышел во двор, папа в небо смотрит и говорит:

– Юра, второй раз встаю – японец туда-сюда мотается, то улетит, то опять...

Самолёт высоко-высоко, маленьким кажется – с пачку папирос. Были отличные американские папиросы «Дюльбер». В пачке обязательно фото какой-нибудь американской киноартистки... Самолёт в небе размером, как пачка «Дюльбера»... Я говорю:

– Папа, какой японец? Это советский разведчик. Японцы рядом с землёй крутились, маячили.

У японцев на крыльях красный круг – солнце японское. Тут, конечно, не разглядишь, что на крыльях. Но я решил: разведчик советский.

– Тогда, сынок, – сделал вывод папа, – это начало большого конца.

Я понял, что дело назревает серьёзное, запрыгнул на велосипед и покрутил педали на радиостанцию. Через наш русский городок промчался, через старый китайский, по капитальному железобетонному мосту, его японцы через реку Имин построили с расчётом на танки. Дальше крестьянские огороды – редиска, огурцы китайские длинные...

На окраине Хайлара японцы выстроили радиостанцию. Вещала на китайском, японском, русском, корейском, монгольском языках... Флаги этих стран у входа. Пятнадцать человек обслуживающего персонала, двадцать дикторов. Русских двое, я и Аня Артёмова, только-только со школьной скамьи. Худенькая, а голос сочный. Аня и написала на меня донос. Понятно дело, заставили девчонку смершевцы.

Обычно я на радиостанцию к девяти приезжал, тут восьми нет – примчался. Там катавасия – японцы туда-сюда бегают, как наскипидаренные, японки взбалмошно кричат, плачут. Понимают: Красная Армия на подходе, сейчас бомбить начнут, надо срываться, а машины все уехали и не возвращаются...

Летели шпаной

Минут через двадцать, как я приехал на радиостанцию, раздался гул с неба. Самолеты. Чёрная от края неба до края туча двигалась из-за сопок со стороны Монголии. Но почему-то не ровным строем – один высунется, другой дёрнется. Нет равномерного хода. Может, истребители сопровождения не могли сдержаться, выскакивали, ломая линию... Уличной шпаной двигалась авиация на Хайлар... Слухи до этого ходили, будто советские сбрасывали листовки, грозились в них разбомбить город, мирным жителям лучше уходить.

И как посыпались бомбы! Как стали рваться!..

Японцы заставили в Хайларе возле каждого дома выкопать траншею в форме буквы «Г» – на случай бомбёжки прятаться в землю. Учения проводились, сирена завоет на жуткой ноте, население выскакивает из домов и падает в щели...

На радиостанции тоже траншею соорудили... При полёте самолетов все рванули к ней – не учебная тревога, за углом не отсидишься – человек тридцать желающих набралось, а на всех не хватает укрытия... Опоздавшие не вмещаются... Рядом бегают, суетятся... Я сначала резво в траншею упал, лежу на дне, а приятного мало – песок за шиворот, в уши сыплется, я и выскочил наверх... Дурак, конечно, комфорт ему при бомбежке подавай... А если бы бомба рядом жажнула? Одна, как я из траншеи вылез, минимум на полтонны упала

в километре от радиостанции. Здоровенная чушка, может и 1000-килограммовая... Показалось – сапоги, пиджаки, доски подняло взрывом высоко над землёй, а потом полетели по сторонам лохмотья...

Над городом, страшно смотреть, что творилось – от дыма черным черно, бомбы одна за другой летят. Брёвна вверх, как спички, швыряет... Листы железа сначала вверх бросит, потом, падая, они планируют...

В самом Хайларе никаких военных объектов не было. Укрепления в сопках вокруг города понастроены, туда почему-то ни одной бомбы... Всё на город... Причём большей частью – где русские жили...

Когда я только приехал на радиостанцию, японец из техников ко мне подбежал и попросил велосипед. У него в Хайларе жена и дети остались, плачет, буквально обливается слезами. Женькин был велосипед, но я разрешил. Как же не дать. Японец только уехал, и началась бомбёжка. Он обещал быстро вернуться, а нет и нет. Я тоже волнуюсь, как там в Хайларе? Пусть жены с детьми не имею, зато папа и брат. Одна волна самолётов отбомбилась, за ней вторая пошла, потом третья... Чёрный дым над городом, пожары начались...

Чуть стихло, я бегом на мост. Думаю, будь что будет...

«Господи, – прошу на ходу, – спаси и помилуй! Господи, оборони моих родных! Защити от всяких бед!»

Бегать не в диковинку, постоянно тренировался. И сейчас гимнастикой занимаюсь, никогда не бросал. Подбегаю к го-

роду. Одни дома целёхонькие стоят, другие в пламени, воронки кругом, на дне вода... От некоторых домов следа не осталось, как слизало. Боже, думаю, неужели наш уничтожило? Что с папой и Женькой?

Подбегаю к Зеленому базару. Огромный базар, всё население города туда ходило. Китайцы продавали редиску, перец, помидоры, капусту. Они искусные огородники. Привозили товар рано утром на быках. Как раз перед самой бомбёжкой подвезли... Подбегаю к базару, а он разбомблён, быки убитые валяются, брюхо у каждого почему-то неестественно раздутое...

На месте парикмахерской Гамала воронка.

– Вы меня грузином считаете, – говорил Гамал, – а я не грузин, я – мегрел.

У меня волосы до лагеря были густые, сплошная масса, как ни приду стричься, Гамал всегда весело ворчит:

– Разве у тебя волос, дарагой?! У тебя во-о-о-о-лосы! Тебя расчесать – это не продраться! Постричь – это семь потов мученья!

Бегу дальше, недалеко от базара стоял таинственный двухэтажный дом с красивой верандой, обнесённый высоким кирпичным забором, ворота всегда закрыты. Высокого ранга японец жил. Изредка выезжала машина, стёкла на дверцах обязательно зашторены. Впереди пассажиром могла сидеть японка... Ворота у дома нарастапашку, всё забросано комьями земли, дёрном... И два шикарных кожаных, рем-

нями перетянутых чемодана... На них тоже куски земли... Видимо, несли и бросили... Увидели приближающиеся бомбардировщики – прыгнули в машину... У меня первая реакция – схватить бесхозное добро. Шикарные чемоданы... Ни-чьи, удрапали безвозвратно хозяева. Потом думаю: а если из дома выскочит япошка с винтовкой, они свирепствовали не только по отношению к китайцам... И я ходыля мимо трофейного добра.

Бегу, а воронки то там, то здесь. Густо бомбили район. Бегу, в голове мысль стучит: неужели наш дом снесло?

Осталось за угол повернуть, но дорогу перегородила воронка, самое малое пять-шесть метров диаметром, в ней вода, оббегаю... И от сердца отлегло: слава Богу, наш дом целый. Калитка закрыта. Не помеха, схема отработана: встаю на лавочку, затем на столбик от калитки... Перемахнул забор, Байкал – пёс-дружище, любимец и баловень – ко мне бросился, жмётся бедняга, крутит головой, хвостом мотает. Всем собачьим видом говорит: бросили на произвол, а тут такое началось... Двери на веранде закрыты, на них мелом крупно написано: «Юра, мы в Кудахане».

За Хайларом, как железную дорогу перейдёшь, стоит круглая сопка и ровная, как насыпанная. Её всё хотели копать, говорили, в ней что-то захоронено. Рядом озеро, туда мы на рыбалку ходили. Отличные караси водились. Озеро то прибудет, то резко уйдёт надолго, и тогда по берегам скелеты карасей. Вблизи озера русские построили посёлок, назвали

Кудахан, километра три от Хайлара.

Я нет сразу сорваться к своим, бросился добро спасать. Сосед подошёл, я ему: помоги буфет вынести. Что мне в голову ударило? У нас был отличный буфет. Красного дерева. Цветные стёкла... И тяжеленный... Вытащили, посреди двора поставили. Будто дом наш имеет стратегическое значение, целиться будут исключительно в него, что во дворе, не тронут. Из-за буфета спину потянул. Как арестовали, несколько дней маялся... Вызовут на допрос – я еле сижу...

Вышли с соседом на улицу, а по ней густая колонна движется, друг другу на пятки наступают русские, японцы, китайцы, татары, тут же дети... Все тащат тюки, мешки, чемоданы... Уходят хайларцы из города, пока снова бомбёжка не началась... Часть этой лавины в Кудахан зашла, переполнили все дома, кто-то во дворах расположился... Остальные по заимкам рассредоточились, китайским деревням...

Смерш

Советские танки, совершив двухсоткилометровый бросок, подошли 10 августа к Кудухану. Папа нас с Женькой отправил встречать танкистов. Ещё шла стрельба, японцы отчаянно воевали. Но под Хайларом не оказали достойного сопротивления... Основные силы Красной Армии ударили в Приморье, в районе озера Ханка. Там шли ожесточённые бои... К Хайлару советские войска через Монголию прошли. Японские доты ожесточённо сопротивлялись. «Катюши» как дадут залп по сопке, по дотам. Сопка вся чёрная и никаких разрушений. Настолько всё забетонировано. Дым рассеется, японские пулемёты, артиллерия снова заводят свои песни... Ничего Красная Армия поделывать не могла, пока японцы сами по капитуляции не сдались...

Советские танки к Кудухану подошли, на окраине остановились. Папа натолкал нам с Женькой в карманы водки: встречайте танкистов! Нам интересно. Второй раз встречаемся с Красной Армией. Первый был в 1929 году, во время советско-китайского конфликта. Нас тогда на машине русские катали, а тут танки со звёздами на башне, «катюши». Подходим к группе солдат, здороваемся. У тех глаза на лоб от чистейшего русского языка в Китае. Откуда русские? Объясняем:

– Мы не азиаты, азиаты – китайцы, японцы, а мы европей-

цы, мы такие, как вы, – русские.

– Как здесь очутились? – спрашивают.

Начинаем описывать историю:

– Был Китай, Россия договорилась с ним построить железную дорогу, чтобы кратчайшим путём из Читы попадать через Маньчжурию во Владивосток. И ещё из Харбина до самого Дайрена. Дайреном порт Дальний называли. Построили дорогу, и 100 лет она должна была принадлежать России, но раньше времени отдали, как Япония заняла Маньчжурию, образовала государство Маньчжоу-Го.

– А-а-а, – говорит старшина-танкист, чернявый, на щеке рубец от шрама, – мы читали, Советский Союз продал свои права.

– Даром, можно сказать, отдал КВЖД.

– И вы что, строили эту железную дорогу?

Рассказываем:

– В конце прошлого века привезли сюда специалистов из России, среди них и наши бабушка с дедушкой. Русские в кратчайшие сроки построили КВЖД. Можно сказать, на пустом месте появилось много станций и города: Харбин, Хайлар, Цицикар, Ханьдаохэдцзы... В 1898-м начали строить, а в 1903-м по всей дороге пошли поезда.

Они удивляются:

– Вы так хорошо говорите по-русски. Не хуже нас.

– Русский язык для нас родной, в Маньчжурию из России приехали учителя, профессора. Были организованы средние

и высшие учебные заведения, в которых работали даже академики. Здесь мы окончили русские школы, получили высшее образование. Наши специалисты выезжают работать в Америку, в Австралию, во Францию. Мы здесь родились, мы внуки тех, кто первым приехал в Маньчжурию.

Они рты разинули, слушают. Но видят, что мы не с пустыми руками, из карманов горлышки бутылок торчат.

– Ладно, – старшина-танкист аппетитно потёр рука об руку, – соловья баснями не поят, а ну-ка открывай!

Сам из кармана достаёт алюминиевый складной стаканчик, коротким движением раз – и выдвинул на четыре этажика:

– Наливай свою китайскую!

– И водку здесь русскую делали, – наполнил я стаканчик.

Он сунул мне в лицо стаканчик:

– Пей!

Не доверяет. Я выпил.

Женьке налил:

– Теперь ты за победу Красной Армии!

После этого с большим аппетитом пошли глотать наши многочисленные слушатели один за другим... Только-только всей «аудитории» хватило по разу... Папа как знал, по четыре бутылки нам выделил...

– Ещё есть? – спрашивают.

– Нет, – отвечаем, – кончилась.

У солдат только аппетит разыгрался.

– Где можно взять? – спрашивают.

– В магазине, – говорим.

– О, пошли-пошли! – зашумели с энтузиазмом.

Советские войска начали осваиваться на новой территории. Во второй половине дня к нам в дом в Кудухане, мы у родственников остановились, заходит полковник. Не утомлённый войной. Розовощёкий, в плечах крепкий. Поздоровался и по-командирски к делу:

– Вот у меня армия, надо кормить!

Папа за словом в карман не лез:

– А вы что без продовольствия воюете?

– Какие там продовольствия? – полковник парировал ирониию. – Нам скомандовали: скорым маршем вперёд, пока Квантунская армия не очухалась! Там всё достанете! У японцев богатейшие базы!

До вражеских запасов муки они добрались, но хлеба японцы не оставили в буханках, надо организовать выпечку.

– Не подскажите, – спросил, – как организовать выпечку хлеба?

– В Кудухане, – говорю, – есть русские печи, можно попробовать.

Домов десять мы объехали с полковником. Женщины никто не отказался печь хлеб для Красной Армии. Я вёл переговоры. Причём предстояло печь хлеб в две смены – днём и ночью. Им подвезли муки...

Я свою миссию выполнил, полковник выразил благодар-

ность от имени Красной Армии. Руку мне пожал, спросил при этом:

– Может, вам муки надо? Дадим мешок-другой!

– Зачем она мне...

Время уже было позднее, распрощавшись с полковником, отправился я к родственникам. Иду и мечтаю: эх, сейчас растянусь на кровати, выплещусь после стольких треволнений...

Не знал, ой как не скоро, смогу снова спать на простынях.

А темень кромешная. Вижу – по дороге кто-то навстречу движется. Силуэты. Сходимся. И резкий голос из темноты:

– Кто идёт!

– Я, – говорю.

– Кто «я»?

– Филиппов.

– Так это же мой Юра! – раздался радостный голос папы. – Сын мой!

Крестили меня Георгием и по всем документам – Георгий. Но дома звали Юрой. Только Юрой. Ко мне подходит офицер, капитан:

– Вы Филиппов Георгий Николаевич?

– Да.

С ним два автоматчика-пэпэшатника. Капитан к папе повернул голову:

– Отец, отправляйтесь домой, сын проследует с нами, кое-что надо выяснить.

И повели меня, не по тротуару, а посередине дороги. С бо-

ков пэпэшатники, капитан сзади.

Девятого августа японцы напоследок вели аресты советскоподданных, а десятого августа уже советские стали арестовывать русских. Такой парадокс.

Плохо японцы подготовились к началу боевых действий, подрастерялись, как бомбардировщики налетели. Надо что-то с заключёнными тюрьмы делать. Решили первым делом уголовников, а сидела всякая мелкота, выпустить. За ними охрана сбежала. Политические не стали ждать особых распоряжений, тоже пустились в бега.

И в то же время японские особисты начали обходить дома и хватать русских мужчин, в первую очередь, кто советского гражданства. Если раньше придумывали – «радио советское слушал и другим рассказывал» или что-то подобное, чтобы записать в советские шпионы, а потом издеваться в тюрьме, выбивать показания, в последний день не утруждали себя поиском причин: русский, значит, враг. И расправились со всеми, кого успели схватить, с японской жестокостью – обезглавили.

С приходом Красной Армии их похоронили в братской могиле.

Вовремя папа с Женькой, как началась бомбёжка, убежали из города, не попали в лапы раздосадованных японцев... А меня советские взяли. Привели в китайскую школу в Кудакане. А там голые стены, парт нет – китайцы-крестьяне, пользуясь безвластием, порастащили. В большом пустом

классе капитан передал меня полковнику, сам ушёл, полковник забрался на учительскую кафедру и стал задавать вопросы. Не скажу, что я испугался, когда меня капитан попросил «проследовать для выяснения». Мало ли. Грехов за душой не было. В политику не вмешивался, в боевых отрядах не состоял. Однажды японцы хотели поставить под ружьё, забрать в отряд Асано. В 1938 году японцы создали отряд из русских парней под командованием полковника Квантунской армии Асано, дабы использовать потом воинское соединение против Советского Союза. Японцам не хватало своих солдат, хотя их держали в огромном количестве в Маньчжурии. У Асано было несколько отрядов, под его командование мобилизовали не одну тысячу из числа русской молодёжи: кавалеристов и пехотинцев. Военные школы, готовившие бойцов отрядов Асано, были в Ханьдаохэндзы и под Харбином на станции Сунгари-2.

Призывы в отряды производились ежегодно. Меня тоже дёрнули... Открутиться не удалось. Полный вагон нашего брата из Хайлара призвали, а также из Трёхречья. Везут, ребята как на подбор молодые, здоровые и разнюхали, что около паровоза, мы следом были прицеплены, штабель ханжи – китайская водка, гадость невероятная, 60 градусов. Противная и страшно вонючая. Из гаоляна гнали. Причём была в деревянных ящиках, залитых гудроном. Парни ушлые, исхитрились и на ходу утащили ящик, в проход заволокли, пробрили дыру и давай веселиться... Японцы, сопровождаю-

щие поезд, зашли, посмотрели. Знают, что солдаты едут. Я думал, будут жалобы. Нет. И больше не заходили. В вагоне не передать, какой гвалт начался. Все кричат, перебивают друг друга. Я никогда не пил, а мне:

– Ты что, напился уже? Пей давай! На всех хватит! Когда ещё удастся! Как запрягут японцы...

Один пристанет, – уступишь, выпьешь, тут же другой с кружкой лезет: давай ещё... Набрался я до беспамятства и заснул на полу в чужом купе. И весь вагон пьяный до безобразия. И закуска не помогла, её полно у каждого было. Мне отец полную сумку набил – поросятина, курятина... Всё одно напились мы... Утром думал: подохну. У меня сердце никогда не болело... В Харбин приехали, медкомиссия, а сердце давит. Врачи не знают истоки болезни. Про ханжу не говорю. Консилиум японцы устроили. Один за руку меня взял, подвёл к остальным докторам:

– Какой из него солдат? Он сердечник!

И комиссовали.

Ускользнул от Асано. Нас ведь сразу взяли в оборот. Поселили в казармы на Сунгари-2, первая ночь прошла, утром командуют:

– Вылетай строиться!

Не выходи – «вылетай!» Младшие командиры вытурили на улицу. Выгоняли с командой «без последнего». А кто замешкался, последним выскакивал, тому – плёткой по спине. Да так жиганут, как рассказывали, целый день чувству-

ешь. «Без последнего» нас конвой в лагере из барачков выгонял. Могли к последнему так приложиться, калекой человека сделать... Выдали нам балахоны защитного, как японская форма, цвета с лошадьми возиться. И погнали бегом на конюшню. Закрепили за мной жеребца гнедой масти – звали его Беркут.

– Будешь, – говорят, – на водопой водить! Мыть, чистить! Скребки, щётки получишь.

Командовал нами казак, он в двадцатом году с белыми в Маньчжурию пришёл. Свирепый, рассказывали, мог и по зубам въехать в воспитательных целях.

Не успел я Беркута на водопой сводить, вызывают и ещё шестерых: немедленно в Харбин и по домам. Забраковали нас.

Приезжаю домой, поезд рано пришёл, ворота наши закрыты. Забор не маленький – два двадцать высотой. Я сейчас на скамеечку встаю, на столбик от калитки... Пёс Байкал, пока перелезил, загавкал на меня, а увидев, застеснялся, закрутился, дескать, извини, оплошал... Стучу, папа открывает, и руки у него опустились:

– Как? Какими судьбами? Сбежал?

Знал, из Асано не выберешься. Это как в армию – запекут на несколько лет. Очень переживал, как меня призвали, молчал, но страшно не хотел, чтобы под ружьём на японцев служил. Некоторым удавалось откупиться, мы не смогли.

Папа обрадовался, обнимает:

– Везучий ты, Юрка!

Не запятнал я биографию службой в японских частях. Во время ханжа подвернулась. В лагерях до изнеможения работал, но сердце не болело, как от той ханжи. Только сейчас стало пошаливать...

Советский полковник начал писать, я напротив него и через стол вижу на листке, что перед ним, крупными буквами стоит: «СМЕРТЬ». Меня жаром обдало. Заскакали мысли блохами: почему сразу «смерть»? Почему? Что я сделал? Полковник заметил резкую перемену во мне:

– Что с вами?

Я постарался бодрым голосом ответить, но получилось хрипло:

– Всё хорошо!

Не сознался в испуге. И засмеялся про себя, ещё раз бросив взгляд на листок. «СМЕРШ», – написано. Потом-то узнал, куда попал. СМЕРШ – смерть шпионам, контразведка.

Он говорит:

– Рассказывайте, всё, что знаете, что скроете – будет на вашей совести.

И я прочитал лекцию о КВЖД и русских в Китае. Полковник пару-тройку наводящих вопросов задал, потом крикнул лейтенанта, назвал несколько фамилий:

– Вызови этих сюда и всех свободных.

Застучали сапоги, класс заполнился офицерами – лейте-

нанты, капитаны...

Начал им рассказывать, что граф Витте, дальновидный министр финансов России стремился к партнёрским отношениям с Китаем. Ему и принадлежала идея постройки Китайской Восточной железной дороги через Маньчжурию на паритетных с Китаем началах.

Рассказывал не поверхностно, не как солдатам у танка, полковник попросил со всеми известными подробностями. Полковник сам вопросы задавал и офицерам сказал, чтобы спрашивали...

Дорога должна была послужить мощным фактором развития востока России и севера Китая и связала бы Читу и Владивосток через Маньчжурию кратчайшим путём. А также Порт-Артур (сейчас Ланьшунь) и Владивосток. Выгода и России, и Китаю. В 1898 году при династии китайских императоров Цин началось строительство. В необжитой местности за пять лет была проложена дорога. На голом месте возведён за три года Харбин, столица КВЖД.

В Хайларе при прокладке КВЖД железнодорожные батальоны стояли, казаки, среди которых и мой дед по матери, – охраняли стройку. Шайки разбойников хунхузов по округе шныряли. Китаец деньги получит, их за хорошую плату нанимали на строительство дороги, куда ему заработок прятать? В косу. Они косы носили. Ещё одно место – кушак, длинными кушаками обматывались. В него завернёт деньги и пошагал домой в деревню с этим богатством. А потом каза-

ки находят бедолагу километрах в десяти от Хайлара – убит, кушак размотан, денег нет. Казаки гоняли хунхузов.

Историю КВЖД я хорошо знал. Как начал чесать, что протяженность главного пути 2500 километров, построено 912 мостов, самый длинный через Сунгари в Харбине – километр. Девять тоннелей, самый длинный через Хинган у станции Бухэду – 3 километра 80 метров. Рассказал о постройке порта и города Дальнего на месте, где до этого были гаоляновые заросли. К морю подведена южноманьжурская ветвь КВЖД. В 1931 году японцы напали на Китай и оккупировали Северную Маньчжурию, в 1932-м образовали государство Маньчжоу-Го. Город Дальний вместе с Порт-Артуром и часть дороги пришлось отдать японцам. В 1935 году вся дорога за бесценок была передана японцам и перешита с широкой колеи, как в России, на стандартную.

Рассказывал, где учился, где время проводил, где работал, я же до войны в американской компании автомехаником работал, рассказывал про нашу жизнь на КВЖД. Про культурную жизнь Харбина. Я восемь лет в Харбине жил.

Они думали в дикую азиатчину попали. А я им про симфонический оркестр, драматические спектакли в Харбине, оперетту, а были русские и украинские труппы, которые выступали в театрах «Модерн», «Весь мир», «Азия», «Атлантик».

В лагере я понял, что в Советском Союзе эмигрант было ругательным словом. Вбивалось в голову, что русский эми-

грант – это чужак, это с камнем за пазухой человек. А я рассказывал офицерам, что мы жили своей жизнью, в своём русском мире, не точили ни на кого ножи.

Как сказал, что в Харбине несколько десятков ресторанов, шумок среди офицеров пошёл. При японцах сократилось число увеселительных заведений, в двадцатых годах, при расцвете КВЖД, насчитывалось шестьдесят ресторанов. Отец рассказывал: в Харбине, в самом центре, на Соборной площади, на углу Большого Проспекта и Разъезжей улицы, в доме Мееровича, был шикарный ресторан «Помпея». Под итальянскую Помпею. С живыми светильниками. Красивые девушки в лёгких одеждах времён гибели Помпеи держали светящиеся фонари. Наверху в этом доме был кинотеатр «Весь мир». В нём тоже оперетты ставились.

Я в последний раз видел харбинскую оперетту в 1944-м. В зале Железнодорожного собрания, а может, в «Модерне». Опера «Граф Люксембургский» с примадонной Александрой Лыцовой и премьером Виктором Турчаниновым-Лавровым.

Оперетту я любил. Мама приучила. Запомнилось: мне лет четырнадцать, мы с ней, милой мамочкой, летом поехали в гости к её сестре в Харбин. Есть фотография – я у отца в 1957-м году выпросил – она, в светлом платье, в шляпе в знойный день стоит у Жилсоба – Железнодорожного собрания. Молодая, красивая, сильная женщина. Мы с ней вышли из оперетты, пошли по Большому проспекту, Правленской

улице. Вечер тёплый, нежный. Мама в шутовском, опереточном настроении запела:

Без женщин жить нельзя на свете, нет!

Я ей:

– А почему нельзя без женщин?

– Ну, как же, сын! Женщина – это красота, это грация, это вдохновение, это полёт, это вихрь, это ласковая гавань...

Рассказывал смершевцам об универмаге Чурина на Большом проспекте. Даже известные магазины Елисеева в Москве и Петербурге, в чём я позже воочию убедился, уступали чуринскому дворцу с мраморными полами, ковровыми дорожками. Где продавалось всё. Я у Чурина всегда покупал костюмы. Хочешь – из Лондона, хочешь – из Парижа. У Чурина приобрёл пальто, которое в лагере кормило целый месяц хлебом. Каждый день лишние полбулки съедал.

– Японский язык, – спрашивает полковник, – знаете?

– Разговорный, – отвечаю, – да. Нахватался за десять лет, что японцы в Маньчжурии. Объясниться на бытовые темы вполне могу...

– Это хорошо, – полковник говорит, – вдруг переводчиком понадобится...

Про японский вот что расскажу. Немного отвлечёмся от Хайлара. Два с половиной года назад со мной произошёл забавный случай. За неделю до моего 85-летия переходил дорогу согласно светофору, а какой-то подлец сбил и трусли-

во скрылся – подыхай, дед. Хорошо, люди добрые «скорую» вызвали. Рука сломана, сложный перелом ноги, сотрясение мозга. Жена три месяца в больнице около меня сидела. После наркоза голова не соображает: всё с себя срываю, с кровати вскакиваю. Жена, как на амбразуру, упадёт сверху, вцепится в кровать, держит из последних сил... Одну операцию сделали, другую... Усилили кость руки титановой вставкой. На ногу поставили аппарат Илизарова. Удачно получилось, даже не хромаю. После операции хирург жену спрашивает, полушутя, но шёпотом:

– Он не разведчик в прошлом? На совершенно непонятном языке кричал добрый час.

Мне под наркозом на всё наплевать, ругался по-японски на врачей. Даже песню японскую пел.

Смершевский полковник не хирург, неспроста про японский спросил. Дело шил.

Офицерам говорит:

– Слушайте-слушайте.

Их набилось в класс под завязку. Дело к утру, а я всё молочу языком. Рассказал, как советские войска в 1929 году зашли в Хайлар.

– А вы это помните? – спрашивает полковник.

– Нам, – говорю, – назначили в дом двух офицеров и были денщики при них.

В мае 1929 года произошёл налет китайской полиции на Генконсульство СССР в Харбине. В июле китайские власти

захватили телеграфную линию КВЖД, связь советской администрации дороги с Союзом прекратилась. Дальше больше – последовал разрыв советской стороной дипотношений с Китаем. В августе чанкайшисты начали военные действия на КВЖД. Однако у озера Чжаланнор и на станции Маньчжурия быстро получили по рогам от Красной Армии и скороенько отступили на Хайлар. Грабили, мародёрничали, поджигали склады, магазины, жилые кварталы.

Советские войска вошли в Хайлар. Нацелились напрямиком до Харбина под паровозными парами лететь. Но на станции Якеши, вскоре за Хайларом, железнодорожный путь перекрыл дипломатический заслон: паровоз, вагоны, и консулы – американский, французский, английский и, кажется, голландский. С протестом к советскому командованию: почему вторглись на чужую территорию? Война или что?

На этом военная кампания завершилась. Но нас с братом советские солдаты на машинах покатали.

Покидая Хайлар, войска Красной Армии прихватили с собой много бывших русских офицеров, бежавших через границу во время революции.

Арестовали нашего соседа, он у Каппеля служил, каждый год ездил на могилу белого генерала. С войсками Каппеля участвовал зимой 1919-го года в жутком Ледовом походе и тело его вёз из Читы в Харбин. Могилу генерала папа мне однажды показывал. У стены Иверского храма, что на Офицерской улице в Харбине. Храм военный, на его колоннах

были начертаны имена павших русских воинов. На могиле Каппеля стоял большой мраморный крест.

Эти подробности в лекции смершевцам умышленно упустил. Кстати, недавно читал: советские маршалы – Василевский и Малиновский, что были в Харбине в 1945-м, посетили могилу Каппеля и, сняв фуражки, почтили память храброго офицера.

Не сказал смершевцам и о сестре героя гражданской войны – красного кавалериста Семёна Михайловича Буденного. Как мост в городе переедешь, в первом угловом доме был магазин, он принадлежал двум братьям-китайцам Куан-Фа-Куй. Что один, что другой два метра ростом, плечистые. Гиганты. Мы у них всегда покупали продукты. В следующем за магазином доме жил Герц. Еврей. Но кузнец. Скажи кто, что еврей кузнец – не поверил бы. Он делал подковы, ковал лошадей, ремонтировал телеги, обтягивал шинами колёса, выковывал шкворни... Всё время у огня, поддувает, рукава засучены. Мастер. Замечательные художественные вещи делал. Кованый букет из трёх роз, например. В 1935-м году, когда продали КВЖД, многие, кто был советского гражданства, выехали. Два эшелона из Хайлара ушли в Советский Союз. В 1924-м, когда Китай признал СССР и установились дипломатические отношения, встал вопрос: какое гражданство принимать? Кто брал китайское, кто – советское. Третьи выбирали статус беженца, оставались бесподданными. Советского подданства Герц уехал в Советский Союз... Дом,

в котором жил кузнец, принадлежал Сёмкину, его жена была родной сестрой маршала Будённого – командующего Первой конной армией. Отличалась отменной скандальностью! Довольно крупная особа, крикливого голоса, с соседями как сцепится, ух, трепала их! Сёмкин скрывал от японцев, что в родстве с самим Будённым, опасался санкций. Сам он был седой-седой, если японский офицер на лошади мимо него ехал, Сёмкин обязательно поворачивался к нему лицом и почтительно кланялся. Дескать, я вас уважаю. Японец, само собой, доволен...

Пока я читал лекцию одним смершевцам про КВЖД и Харбин, другие вели аресты. Соседние комнаты наполнялись хайларцами и мужчинами из деревень Трёхречья, с ними потом я в лагерь угодил.

Под утро полковник распорядился прекращать «слушания» и отдыхать.

Так прошла моя первая ночь заключения.

В последующие дни начались допросы. Допрашивали и девчонок. Валя Подкорытова на нашей улице жила. Единственная в Хайларе платиновая блондинка. Как американская артистка. Её задержали, допросили и выпустили, но поручили: будешь кормить, разносить еду арестованным. Точнее – задержанным. Нас так называли...

Мою напарницу по радио Аню Артёмову – женский голос, диктор радиовещания – тоже СМЕРШ дёргал... Она тоже разносила еду арестованным... В 1955 году поехала из

Хайлара в Советский Союз, удачно вышла замуж за офицера подводного флота и записалась. Кто его знает, может, из-за меня. Совестью была и девчонка совсем, когда СМЕРШ взял. Вынудили оговорить меня, своего товарища... Хотя всё одно, скажи она что-то на меня или промолчи, отправили бы этого «товарища» в лагерь. Раз задержали, значит, виновен... Вёл я себя с ней на радио очень корректно, называл исключительно на вы. Знаков повышенного внимания, как парень девушке, не оказывал, но в остальном... Всегда открою перед ней дверь, пропущу вперёд, помогал что-то поднести... Меня так воспитывали... Я раньше Ани пришёл на радио, подсказывал ей первое время. Мне потом передала землячка по Хайлару, Аня ей проговорила, что лишнего обо мне сказала СМЕРШу. Значит, терзалась от содеянного, носила этот камень в душе...

В девяностые годы я подал на суд, нанял адвоката, он оформил запрос, чтобы дали моё дело ознакомиться. Меня вместе с адвокатом пригласили в здание архива ФСБ. Заходишь, одни двери – охрана, двое с пистолетами, другие двери, снова вооружённые охранники. Идём дальше, сидит дежурный офицер, по его указанию завели в отельную комнату без окон: «Ждите». Минут через двадцать-тридцать приносит женщина дела, две толстые папки, что в Хайларе на меня завели.

Я полистал одну папку, вторую, разволновался – не могу читать... Потом на крыльце адвокат спросил:

– А вы видели, что показала на вас Артёмова?

– Нет, а что?

Пусть, думаю, перескажет.

– Ну, и не стоит давнее ворошить, – ушёл от ответа.

Лишь обронил: наговорила, что я вёл агитацию против Советского Союза.

А потом до меня дошла информация от земляков, что Аня в Москве записалась. Человеком всё же оказалась порядочным по большому счёту...

При аресте у меня отобрали очень дорогой перстень, часы золотые. Пообещали вернуть при освобождении. Но в деле изъятие не зафиксировано. Забрали и присвоили. И кто преступник? Мало того, что раскручивали дела на пустом месте, зарабатывая звёздочки, ещё и грабили.

Я им говорю:

– Это не оружие, зачем забирать?

– Не положено! Потом вернём.

И положено было в чей-то карман...

Генерал

Допросы вели не в Кудыхане. Оттуда перевели всех арестованных, то есть задержанных, в бывший японский военный городок. Заборы кирпичные – метров шесть высотой. Японцы, прибрав к рукам кусок Китая, серьезно обосновывались. Строили на века. Благо дармовых рук миллионы. Ведут нас пэпэшатники по городку, сворачиваем в одном месте – кирпичная стенка на уровне человеческого роста сплошь истреляна, до половины выкрошена пулями. Гильзы валяются. Сразу в голове зароились невесёлые мысли. Друг друга толкаем, показываем на стену, шепчемся:

– Здесь расстреливают.

Каждый подумал: «Вот зачем подальше от Хайлара привели». Кто-то глазастый заметил:

– Крови-то нет, везде была бы от расстрелов.

Поселили в доме с комнатами японского стиля. Заходишь – обувь оставляешь, залезаешь на возвышенность с татами, столик маленький. Наше дело подневольное, на татами развалились, лежим. По очереди следователи вызывают. Меня два дня допрашивал капитан, две недели подполковник писал за мной, потом к генералу привели. После генерала тишина. Генерал, подводя итог работы со мной, захлопнул дело и бросил:

– Все ваши дела и опилок не стоят!

– Зачем тогда держать? – говорю. – Отпустите.

– Ишь ты! Не так скоро Москва строилась.

Как-то мы в нашей арестантской комнате расшумелись, заспорили, охрана открывает дверь:

– Что вы тут болтаете?

И вызвали парня, если память не изменяет – Алексей, приказывают ему:

– Выходи!

Он рукой нам помахал:

– Всё, ребята, я на свободу!

До этого уверял:

– Меня обязательно выпустят, я на советских два года работоровал, у меня радиостанция была.

Молодой – двадцать лет.

Не очень его рассказам верил: что за шпион, всем подряд о подпольной работе треплется, тем не менее – отпустили.

Сейчас думаю: может, насадкой был.

А мы дальше сидим. Правда генерал обнадёжил:

– Жду распоряжения из Москвы, вот-вот должно прийти, сразу вас освободим! Многих. Которые замешаны в гражданской войне на стороне белых, тех оставим. Остальных освобожу.

Уверенно сказал.

Человек в неволе за всякую соломинку хватается, а здесь сам генерал пообещал. Я размышляю о дальнейшей жизни.

ни, планы строю. С дикторством эпопея закончилась, надо в Харбин подаваться. Хорошо бы на железную дорогу устроиться...

Но вдруг что-то изменилось в смершевском ведомстве: засутились они, забегали. Адьютант генерала заглянул и сказал:

– Знаете, чанкайшистские войска разбили 8-ю народную китайскую армию.

И добавил:

– Это плохо.

Не знаю, насколько ченкайшисты подгадили, погнав части Мао Дзе-Дуна, однако вместо обещанной свободы, нас повезли в Россию. Перед отправкой на вокзал построили на улице, поздняя осень, конец ноября, ночь, генерал вышел и повинулся:

– Извините, что наболтал вам. Так в жизни бывает.

Искренне нам обещал и чувствовал себя виноватым. Во всяком случае, мне так показалось. Мог бы и не выходить к нам, не извиняться...

Москва прислала срочную депешу: не отпускать никого, всех, кого взяли, везти в Советский Союз. Виноват или нет, был карателем в Белой армии или нет, воевал у Семёнова, Каппеля, Колчака или нет – не имеет значения...

Поезд

При погрузке в вагоны первый звонок прозвучал: мы не люди, мы – скоты. Набили впритык один к другому. Потерпите, дескать, до Читы недалеко ехать. Конвойные кричат:

– Ещё двое осталось!

Каждый арестант на учёте, конвойной головой отвечает. А вагоны под завязку. Слышим, крики с перрона:

– Куда мне девать?!

– Впихивай! Твою мать!

Втолкнули. Двери кое-как закрыли. Как ехать в таких невыносимых условиях? При дыхании друг друга раскачиваем. Я впередистоящего тесню, дышать мешаю, он мне.

Погрузили, и стоим. Полчаса, час... Смотрю, передо мной парень опустил на корточках, на коленке записку карандашом настрочил, в щель вагона сунул. Можно сказать в никуда. Другой просит:

– У кого есть бумага?

Писали: я такой-то, нас увозят в СССР. В надежде, что клочок поднимут добрые люди и передадут родственникам. Многие уцепились за призрачную возможность сказать о себе. Но доходили весточки. Мне потом рассказывали: «Записки, что вы из вагонов бросали, люди поднимали и отдавали родственникам». Был уже мороз, снег... Нас в Хайларе погрузили в вагон и десять часов стояли. Задубели. Ждали три

вагона с такими же бедолагами, как мы, из Харбина. Наконец подогнали их, подцепили, слышу, снаружи возглас:

– Сейчас отправят их!

Двинулся состав. Стоим сельдями в бочке. Кто-то умный предложил рассчитаться по номерам, чётным сесть, а нечётным стоять. Потом поменяться. Получилось как в анекдоте про козу. Бедолага взмолился к небесам: «Помоги, Господи! Не могу больше! Детей – воз! Теснота! Жена – змея! Тёща – зверь! Содом и Гоморра! Сил больше нет так жить!» Бог посоветовал поселить в доме козу. С ней и подавно не вмоготу сделалось. Взмолился опять: «С козой вообще житья не стало, хоть в петлю». Всевышний даёт новый совет: убрать скотину из жилища. Без козы жизнь бедняге показалась раем. Вот и мы – одни сидя едут, другие стоят. И так хорошо. При дыхании не раскачиваем друг друга, не стесняем. Свободно лёгкие работают и у тех, кто сидит, и у кого очередь стоя ехать. Другая напасть. Доски вагона скреплены металлическими полосками, заклёпками. Кто-то, пока сидел, примёрз, встать не может по команде. Рвёшь-рвёшь – никак. Соседи помогут, а клочок одежды останется. Так и ехали. Двое с ума сошли. Один понёс околесицу: он едет в Цицикар, там у него любимая девушка Мила. Второй начал рваться на выход. У него экзамен по электротехнике в Харбинском политехническом... Были и смерти. Один раз сразу трое друг за другом. Кричим конвойным: умер! В ответ ругань, маты... Кажется, и друг другу готовы глотки перегрызть, не хочет-

ся с нами возиться... Откроют двери вагона, мы подтолкнём покойников к краю...

Не знаю, куда девали трупы?

«Вот так, – думаешь, – и тебя, если что». И какое-то безразличие к тем, кто умер... Кошмар, если подумать, до чего доведён человек...

В лагере рассказывали: в одном харбинском вагоне ехал священник. Отпевал, прежде чем позвать охрану... И все пели «Вечная память».

До Читы меньше суток на поезде, нас пятеро мурыжили. Чуть провезут и в тупик – пропускаем состав из Китая. Пролетел, и опять не наша очередь – порожняк гроыхает в другую сторону. Что между этими икотами проедем, то и наше. Зелёный свет зековскому составу в последнюю очередь, паровозы по остаточному принципу. Не успели раскочегариться-разогнаться – опять в тупик.

У железнодорожников один довод: Сталин дал приказ везти добро Квантунской армии. В Союз вагоны идут под завязку забитые, в Китай – порожняк. На дороге между станциями тупики вагонов на двадцать. Загонят и маринуют, мы в щели смотрим: из Китая в Россию состав за составом. В каждом закрытые товарные вагоны, открытые площадки и мешки, мешки, мешки... Сахар, рис, мука, заводское оборудование, техника, военные грузы. Бесконечный поток. Железнодорожную колею расширили под советский образец и гнали-гнали составы. Прав был полковник, что папе говорил:

«Какие продовольствия, там всё будет...» Квантунскую армию Япония обеспечила на несколько лет вперёд. Устраивались тайные погреба-хранилища. Китайцев, что загружали эти погреба, убивали, как и тех, кто строил укрепления вокруг Хайлара.

Объект закончат, и уничтожают. Рабы. Новых эшелон пригоняют. Сам видел. С хайларского вокзала ведут их гуськом в сопки. С матрацами, одеялами – нищета. Иду-идут-идут. Растянется вереница на километры. Первые далеко на сопке, а последние ещё на вокзале пристраиваются. И никогда в обратную сторону картины не наблюдал. Видел: копают котлован, у них такие вёдра маленькие и таскают-таскают-таскают, как муравьи... Содержали точно по такой же схеме, как потом нас в лагере, – в голоде. По принципу: пусть много не наработают, зато не убегут и расходов минимум... Помрут – новых пригонят. Не обязательно стреляли китайцев после того, как выработаются, иногда устраивали обжираловку – банкет. С голодухи набрасывались на еду, и смерть. Другие китайцы хоронили, зная: самих ждёт подобная участь... Есть сведения – до двухсот тысяч китайцев извели на постройке укрепрайона под Хайларом.

За пять суток, что до Читы мы тащились, водой ни разу не напоили. Где-то на четвёртый день двери вагона открылись, капитан стоит. Представился:

– Я начальник поезда, за вас отвечаю, вот у меня две сумки денег.

В каждой руке у него по сумке, набитые, аж круглые. Отличные жёлтые сумки из австралийской кожи. По заказу японцев Австралия Квантунскую армию снабжала кожей. Капитан докладывает:

– Денег полно, а нигде никто не продает ничего, вам ничего не могу купить.

Отрапортовал и кричит:

– Закрывай!

Единственный раз за всю дорогу что-то поесть дали, если можно назвать едой. Из мешка черпает кружкой алюминиевой муку и сыплет кому в карман, кто-то полупальто подставляет, кто-то – тряпочку. И мука-то не пшеничная, какая-то воздушная. Я руки ковшиком сложил... И быстрее-быстрее в рот... В спешке сделал вдох, мука в дыхательное горло попала, закашлялся, из носа сопли... Да будьте вы прокляты! Выбросил остатки...

Конвою тоже несладко. Пропитанием, конечно, снабжали, но вагоны не приспособлены для зимних перевозок. Конвой между вагонами будки себе соорудил, из толстых плах нагородили, прутами закрепили. Но всего-то – защита от ветра. Одеты не чета нам. Все в новых белых полушубках. Кто в карауле – в тулупе до пят, волчьем или собачьем, огромный пушистый воротник, наверное, из маньчжурской собаки. Валенки. Но никаких печей. Конец ноября, мороз давит... Ух, они сатанели в своих клетках-загородках! От злости как шарахнет железякой, в нашем вагоне отдаётся. И матерится:

– Будьте вы прокляты, из-за вас, фашистов, подышаем! Чтоб скорее сами передохли, белогвардейское отродье! Как дам сейчас очередь из автомата!

Стоишь и ждёшь – возьмёт и запустит. Что эти доски вагонные, разве защита от пули? Легко прошибёт...

Как-то сказал им:

– Что ж вы нас, как скотов, везёте?

– А вы с японцами жили, вы у японцев работали!

Стал я ему говорить, что не нужны мы были России. Советское консульство в Харбине нас не защищало. Сказал, что у меня мать русская женщина, она в один момент пропала, консульство и не подумала её искать. Японская жандармерия что хотела, то и делала. Он мне:

– Заткни глотку!

Святые

Целый год в Свердловской области в нашем лагпункте Севураллага «китайцы» жили отдельно, никем нас не разбавляли. Уголовников не подмешивали и советских политических не давали. Конвою строго-настрого было запрещено с нами общаться. Кто-то глубокомысленно решил: мы их распропагандируем в свою пользу. Политработники накачали вертухаев про белогвардейских извергов. А тех любопытство разбирает, что за странные зеки? Совершенно не похожи на других. Один парнишка-конвоир насмелился, спрашивает украдкой:

– Кто вы такие? Что за люди? Все так хорошо говорите по-русски...

Ему жутко интересно и боязно. Спросил и трусливо убежал. Но самому не терпится. Через несколько дней опять набрался храбрости... Сидел с нами Соловьев. Седой-седой мужчина. Миллионер. У него ликероводочный завод был в Мукдене.

Пути Господни неисповедимы. Через десять лет я женился в Омске на его крестнице, моей Татьяне-Тате, тоже из Китая. При знакомстве стал рассказывать про лагерь и упомянул Соловьёва.

– Так это же мой крёстный! – всплеснула руками.

Соловьёва молоденький конвоир выбрал выяснить проис-

хождение чудных зеков.

– Мы удивлены, – зашептал ему, выбрав подходящий момент, – никто из вас не матерится, не ругается, даже семьи наши говорят: каких-то святых привезли. Что вы за люди такие?

Без слёз не могу это вспоминать. Обычно заключённые люто ненавидели конвой. Матерят, ругают, а тут никакой злобы, ненависти, агрессии. Не принято было на КВЖД материться. Кому-то сейчас странным покажется... Не матерились мальчишки в своих играх на улицах, не матерились в школах, гимназиях, училищах, институтах. Многие впервые маты услышали с приходом Красной Армии. Конвой ломал голову, как так – говорят по-русски, а другие. Откуда свалились? Они между собой матерились безудержно, вышки перекликаются друг с другом, и мат на мате... И вдруг странная речь...

Конвоиры в большинстве своём малограмотные, недоразвитые, мы их звали бурундуками. Смеялись между собой над ними, и жалко было.

Соловьёв объясняет любознательному охраннику:

– Мы из Китая, всю жизнь там прожили, никуда не вмешивались.

– Значит, вы в революцию туда уехали?

– Большинство нет, лишь кому приспичило. А мы КВЖД строили.

– А что такое КВЖД?

– Русские построили в Китае железную дорогу.

– А на черта нам в Китае дорога?

Такой уровень.

Соловьёв один из тех, кого забрали из «Ямато-отеля». СМЕРШ провёл дьявольскую операцию. В шикарном ресторане «Ямато-отеля», что рядом с вокзалом, генералитет Красной Армии 25 августа 1945-го устроил банкет в честь победы над Японией. Был приглашён весь цвет Харбина, лучшие артисты. Подъезжали на такси, автомобилях, парадно одетые, и вскоре все стали арестантами. Отведали пирога с советской начинкой. Звучали здравицы победителям, поднимались бокалы за русских в Харбине. Лилось вино, звучала музыка. Харбинцы были счастливы от радушия генералов их далёкой родины. На ура прошёл вечер, перешедший в отрезвляющую ночь. Вскоре, как встали из-за столов, появились автоматчики... А потом подвалы бывшего японского консульства тут же поблизости – на Вокзальном проспекте... И вот уже срезают пуговицы с одежды...

Я, когда увидел в лагере на Урале, на лесоповале, Виктора Турчанинова-Лаврова, глазам не поверил. Он в Харбине звездой блистал. Премьер харбинской оперетты. Тенор. Его отец – Дмитрий Лавров – протоиерей, служил в Успенской церкви на новом кладбище. Виктор пел в театре «Модерн» и в Железнодорожном собрании. Пел под псевдонимом Турчанинов, взял девичью фамилию матери. В оперетте Валентинова «Жрица огня» пел принца Бангура, в «Весёлой вдо-

ве» – графа Данилу. Почитателей, поклонниц – без счёта... Мужчина видный, голос редкий.

В Харбине рассказывали, как он в войну участвовал в специальном спектакле в помощь студентам. Само собой, играл в пьесе главную роль. Зал «Модерна» битком, а в нём тысяча двести мест. И вдруг Турчанинов в конце первого акта выходит на авансцену, встаёт на колени. Студенческую фуражку тянет к публике и просит:

– Кто может, бросьте в помощь малоимущим студентам.

И пошёл по залу. Не успевал фуражки полные денег менять на новые, их подавали студенты, что свитой сопровождали артиста. Деньги бросали и бросали. Как же, кумир стоял на коленях перед ними.

Блестящий артист. Тоже был зван на банкет в «Ямато-отель». Явился во фраке. Звезда, любимец. Рассказывал: волновался, как же – выступать для победителей, для освободителей, для воинов России. Пел на подъёме, а его вместе со всеми... Виктор хохотал в камере от вида несуразно повисших без пуговиц фраков, шикарных костюмов... Зашёл в смехе, не мог остановиться... У него жена в то время была в положении. Так ни разу в жизни и не увидел дочь...

А потом пришлось много лет петь в зековской самодеятельности. Сначала в Севураллаге. Занялись зеки самодеятельностью по инициативе лагерного начальства. Тому развлечений хочется в таёжной глуши, где из всех строений всего-то лагерь и посёлок охранников. Больше ничего и ни-

кого на сотни километров. Поэтому зековский концерт для охранников – событие. Приходили с жёнами, с детьми, даже грудными. Хлопали во все ладоши, ногами от восторга топали. В красном уголке КВЧ, культурно-воспитательной части, где лекции нам читали, устраивали концерты.

Лавров один мог два отделения вести. Песни, романсы, арии. Он ведь и актёр. Начинал с драмы. Играл главные роли в пьесах Островского. Ему гастроли устраивали по лагерям, вдохновлял пением зеков на ударный труд, а вохровцев на бдительную охрану. В одной из таких поездок Лавров встретился с Маргаритой Артуровной. Это уже в период, когда сидел в Речлаге. Она стала женой Виктора. Первая жена уехала с дочерью в Австралию. Маргарита по сей день жива, а Виктор умер, кажется, в 1971-м. Совсем молодым. Года за два до этого пригласил меня с Татой на свой творческий вечер в музкомедию. Прекрасный получился концерт, Виктор спел несколько арий, но голос уже был не тот...

«Ямато-отель» открыли при японцах, первоначально здание строилось как Гарнизонное собрание, позже отдали Правлению общества КВЖД. Мама с папой поженились во времена Гарнизонного собрания, в нём мама на бале-маскараде получила приз за костюм «Свобода». Отец любил вспоминать тот бал. Счастливо, с гордостью рассказывал, пока мама была с нами, с грустью вспоминал потом. Они только-только поженились. И вот бал. Мамина знакомая сделала ей костюм – «Свобода». Окрылённая «Свобода». Руко-

дельница из гусиных перьев, подбирая одно к одному и наклеивая на основу, смастерила два лебединых крыла. Белоснежное, прямого кроя платье, а сзади искусно приделанные крылья. Отец сокрушался – не сфотографировалась. Но я прекрасно представляю мамочку. Высокая, роскошные густые-густые волосы, серые большие глаза... Отец всегда с восхищением повторял, какой у мамы в молодости был восхитительный румянец... Матовой белизны кожа и разлив румянца... На голове у мамы корона с надписью на французском «Свобода». Но не верь глазам. Не взмахнёт крыльями символ воли: они опутаны тончайшей золотой паутиной, и жук, красивый жук, сидит на крыле...

Мама за костюм получила третий приз. Папа и через много-много лет возмущался. Первое место дали костюму «Африканка». В ту пору большая смелость оголиться светской женщине. И вдруг самая малость одежды – грудь прикрыта и набедренная повязка – кожа под негритьянку с головы до пят раскрашена...

– Как головёшка чёрная! Да ещё такая жердь! – ругался папа.

Мама смеялась:

– Да ладно ты! Женщина прекрасно сложена!

По требованию группы разгорячённых вином мужчин «Африканке» отдали первое место. Второе получил костюм «Бабочка».

– А эта с откляченной задницей, – всякий раз вспоминая

тот бал не мог примириться с распределением мест папа, – носилась, как наскипидаренная, порхающую из себя изображала. Все здравомыслящие признавали: ты была самая видная и лучшая! А когда запела...

Мама, представляя костюм, пела на французском языке...

Мостырка

У меня голос хороший, да не для пения, только что на делянке охрану развлекать, поэтому целый год пилил лес. Подыхал уже, как и большинство из нас. Жрать постоянно хотелось. Мысли только вокруг этого крутились. Как-то летом иду по делянке, слева у меня под мышкой топор. И под ногами кругом мышинный горох. Невелик, а всё что-то бросишь в себя. Я увлёкся сбором стручков. Иду, сорву, дальше иду, снова наклонюсь... И смотрю – в полутора метрах целый выводок лесного добра, сделал два шага, вот сейчас нарву, стал наклоняться... Он, гад, не предупреждая, из винтовки... Наплевать на жизнь человеческую, ему бы лычку заработать. Я так увлёкся подножным кормом, что вышел на просеку. Побег. Пуля ударила в лезвие топора, ближе к углу. Отхватила кусок и куда-то с воем ушла. Двумя микроскопическими осколками топора пробило куртку, рубашку, кольнуло живот. В сердце целил... Если бы не топор...

Мы вкалываем, нас всё время подгоняют: докажите работой, что вы настоящие люди, не противники советской власти. Старайтесь, и по вашим делам разберутся, освободят. Будете жить вольной жизнью со всем советским народом. Ух, мы поначалу вкалывали! Верили в обещания. Столько леса грузили! Узкоколейку протянули к нам... Дураков нашли... День и ночь работали, надеялись – освободят. Они, сволочи,

безбожно ввали!

Потом-то стали понимать: посулы шиты белыми нитками. Кормить не кормят, вкалывать заставляют. Я здоровый молодой парень, а довели до членовредительства. Палец себе изуродовал. Нарочно. Требуют выполнения нормы, а я не могу. Поработаю всего ничего и падаю... Как у нас говорили: зафитилил, то есть – обессилел вконец. Сажу и жду, когда рельса ударит... Работа тяжёлая... Пилили чем? Пилой двуручкой. Как говорится: ты мне – я тебе. Начнём пилить, а смола течёт и течёт. Пила сразу становится белой. И очистить от смолы плотно невозможно, и тянуть нет никаких сил... Такое жирное дерево... Бросишь пилу, плюнешь и сидишь... Да ещё пилить надо, чтобы пень не выше ста миллиметров. Попробуй так... Это изначально никто не соблюдал...

Я потерял столько веса, что задницы не было, сморщенные мешочки. В бане смотрю – все страшные. Думаю – неужели и я такой. Зеркала нет посмотреться. Только что с улицы в окне барака себя увидишь. Страшные, костистые. По лесу ведут на делянку, чуть какой сучок под ногой сыграл, я падаю...

Начальник лагеря нас выстроил.

– Нужно, – говорит, – давать норму! Это не моя прихоть! Это я для вас начальник, а у меня, знаете, сколько начальников. Да какие начальники!

И пальцем показывает, какие над ним высокие начальни-

ки. Я ему говорю:

– А что я могу? Какую норму? Посмотрите на меня... Кормите хотя бы.

– Сталин сидел на такой норме!

Сталин на лесоповале не работал...

В один день на делянке такое отчаяние взяло. Свалили одну за другой две сосны, я подошёл сучья рубить и решил палец отхватить... Чёрт с ним с пальцем, хоть отдохну немножко. Но ум от голода ворочается вяло, надо было на толстый сук руку положить, я на ветку тонкую. Размахнулся, и получилось – не серединой лезвия попал, а углом топора, по сей день шрам остался и палец ограниченно движется... Ветка спружинила... Да и сила удара... Какая она могла быть у меня, доходяги...

На соседних нарах через проход в бараке Григорий Ластопуло был, харбинец, грек, из тех, чьи предки обосновались в России в начале восемнадцатого века. Старше меня. Красивый мужчина. Гордо посаженная голова. И жена у него была красавица, дочь Евгения, сын Гена. Красивая семья. Тесен мир – моя Тата училась с его сыном в Харбине. После освобождения Григория его жена приехала к нему из Китая в Тюмень с детьми. Мы переписывались, встречались несколько раз в Омске. Гена в армии прыгал из вагона в вагон и попал под колёса. Приезжал к нам на протезах... При встречах с Ластопуло обязательно смеялись, как я ему по физиономии приложился в лагере. Над Ластопуло на верхних нарах спал

Саша. Совсем юноша, двадцать лет, тоже с КВЖД, с Цицикара... Ластопуло положил на тумбочку кусок хлеба и отвернулся, Саша схватил и съел. Я был страшно потрясён такой подлостью. Считал Сашу интеллигентным парнем, жалел, чтоб духом не упал, старался поддержать... А он! Ему ещё жить да жить... Размахнулся и как садану со всей силы кулаком. До того возмутился. Хотел в физиономию врезать. Что ж ты, гад, до такой низости дошёл?! Мы этим живём. Ты же умертвляешь его! Размахнулся, но меня качнуло от слабости, и вместо Саши заехал Ластопуло по скуле. Тот как раз повернулся от нар в нашу сторону. А я ему. Он зло на меня смотрит – за что? Извини, говорю, пожалуйста, я ведь не в тебя целился.

Так и по руке топором промазал. Ещё и борьба во мне – жалко руку, как потом жить калекой? Размахнулся... Как в резину попал, ветка самортизировала. Отшвырнул топор, кровь захлестала. Ребята увидели, закричали. ЧП на делянке, конвой сделал выстрел вверх. Бригадир подошёл ко мне, посмотрел на рану, помотал головой:

– Я тебе, парень, не завидую.

Начальник лагеря вечером взывает.

– Что, – спрашивает, – мостырка у тебя?

Я начал выкручиваться:

– Знаете, гражданин начальник, психанул, хотел побольше кубометров сделать, а сил нет, я ведь, как инвалид, целил по ветке, да не твёрдо держал топор, ну и промазал.

Он недоверчиво головой покачал и вдруг спрашивает, причём на вы:

– А скажите, пожалуйста, вот вы в Китае жили, кем там работали?

– Диктор, – говорю, – радиовещания на хайларском радио. Оттуда забрали.

Он как давай хохотать, хохочет, чуть не падает со стула. Здоровый такой, с пузом. Утроба трясётся. До слёз хохотал. Раскраснелся физиономией. Не может успокоиться, так моя профессия рассмешила.

– Надо же, – глаза вытирает, – диктор радио.

То есть: где радио и где эти лесозаготовки.

Мне корячился изолятор. Посадили бы на хлеб и воду, только каши на ночь черпачок. И дошёл бы совсем. Но он дело о мостырке не стал развивать. И не трогали меня больше. Ходил я на работу, и сколько сделаю, то и ладно. Посочувствовал начальник.

Сочувствие редко встречалось.

Каждый день, как выведут за ворота, кричат:

– В пути следования шаг влево, шаг вправо считается побегом, конвой применяет оружие! Пошёл!

И попробуй шагнуть. Один на моих глазах кинулся за бычком, конвоир бросил – зеки такой роскоши себе не позволяли, до бумаги скуривали – конвоир в сторону от следования колонны хороший большой окуроч швырнул, лежит дымится... Специально спровоцировал. Зек метнулся, рас-

считывал схватить и назад, а конвоир – выслужиться надо – из винтовки саданул. Побег. А куда бежать? Дебри, тайга. И порядки: если в радиусе даже ста километров от лагеря появился чужой, местные должны сообщать. Но были отчаянные – бегали. А через сутки выходишь на работу, вдоль забора трупы этих беглецов в качестве красноречивого наглядного пособия.

Кстати, Соловьёв, крёстный моей жены, пытался бежать. На лесоповале. Ему уже хорошо за сорок было. Решился. На что надеялся? Втроём они сговорились, подсобрали еды и попытались уйти в тайгу. Их быстро поймали, но не застрелили, добавили срок...

Не был я придурком в лагерях. Может, будь медиком или инженером, не пришлось бы на общих работах доходить. Кто-то пристраивался, мне не довелось. А так, каких только зеков не было в лагерях. Нас с пересылки на лесоповал привезли, а сказка вокруг – столько чистейшего снега, огромные ели, могучие сосны. И снег, снег, снег... Всё утопает в белом. Снег на ветвях, снег под деревьями, снег на крышах... Мириады снежинок сверкают на солнце. Через неделю, как привезли, впритык к нашему лагерю оперативно небольшую зону пристроили. С нашей не сообщалась. Раньше в этих домах военные жили, что нас охраняли, их переселили куда-то, дома колючкой окружили... В этой зоне сидели врачи: профессора, академики, много евреев... Их при мне привезли, как на подбор рослые, маститые... Слух был: их по доку-

ментам расстреляли, а на самом деле в лагерь всех. Когда-то лечили Сталина, Молотова, Кагановича... Но и в лагере не для лесоповала использовали. Поблизости была посадочная площадка, аэродромчик. Время от времени самолётик типа кукурузника прилетал, то ли больных из ЦК привозил – то ли врачей в Москву для консилиума забирал, чтобы потом обратно привезти...

Пальто

Отец, когда нас грузили в эшелон, отправляя в Читу, умудрился сунуть мне пальто зимнее. Разузнал об отправке и пришёл. Пальто роскошное, шкурками колонка подбитое. Лацканы меховые. Тогда мода была. Верх – добротный драп, а подбито хорьком или колонком. Причём шкурки с хвостиками, а хвостики не пришиваются – висят. Красиво. Каракулевый воротник.

В пересылке покушались на пальто. Пацаны, маленькие вори, пытались украсть. Тащат из-под меня ночью. Две ночи промаялся. Потом догадался надеть на себя и спать в пальто. Как-то подходит ко мне хлеборез. Бытовой краткосрочный заключённый. Пожилой мужчина. Спрашивает:

– Чем от тебя так вкусно пахнет? Из тайги так не пахнут.

Пальто пахло домом, свободой, Китаем. Ночью зароешься носом в воротник, и слёзы наворачиваются. Духи в нашей семье были, кажется, «Коти-коти». Точно не помню название, забыл. До того стойкие, три года носил пальто, я его в сорок втором купил в Харбине в магазине Чурина, изредка духами обновишь запах. Месяцев восемь прошло, как последний раз попадали они на пальто, а запах держался.

– Это, – говорю, – духи.

– Одеколон? – уточняет.

– Нет, одеколоном я пользовался после бриться. А это

мужские духи.

Был у нас пульверизатор с грушей, побрызгаешься после бритья одеколоном.

– Духи это бабам! – хлеборез, мне показалось, разочарованно сказал.

Сердце ёкнуло – не возьмёт пальто из-за запаха. Понятно, ради чего разговор затеял. И знаю, что хлеборез может предложить за мой товар.

– Нет, – разъясняю, – мужские духи тоже бывают.

Хлеборез посмотрел пальто изнутри, снаружи и предложил обмен. За пальто каждый день в течение месяца будет давать по полбулки.

И предупредил:

– Сразу весь не ешь, терпи, старайся в несколько приёмов, проглотишь сразу – плохо будет.

– Ладно, – говорю.

В жизни так не радовался, как тогда – хлеба поем.

Ему по весу хлеб выдают на количество людей. Он отрежет от булки кусок, раз на весы. Смотрит: если не дотягивает пайка, кусочек маленький на глаз прикладывает, а то и второй добавит. На подхвате у хлебореза старый немощный человек, он уже у смерти, работать не может. Чурбачки пилит, из них ножом наколет колышков со спичку толщиной. Потом пришпиливает ими довески к куску хлеба, чтобы не растерялись, дошли до зека. Бывает, получаешь хлеб, у тебя приколоты три-четыре кусочка...

Утром рельса стукнула, подъём. Выбранный человек хлеб приносит в барак...

Акт нашей сделки, конечно, незаконный. Хлеборез побаивался – могут расценить как грабёж. Указал на избёнку, снаружи на стене гвоздик торчал:

– Повесь туда, чтобы никто не видел, потом иди и не оглядывайся.

Не обманул. Ровно месяц по полбулки хлеба давал. Тайком само собой. Вокруг все голодные. Как стемнеет, сунет мне. Я с хлебом к уборной иду и втихаря ем. Половинку съем, а половинку оставлю. Следовал указаниям хлебореза – не проглатывал сразу. Приду в барак, сосед шепчет:

– Что это от тебя хлебом пахнет? Ты вроде сегодня хлеб не возил...

Я навру: дескать, помогал. Но он не очень верил.

Кухвайки

Пальто я вовремя обменял. Как привезли в ИТЛ (мы называли: истребительно-трудовой лагерь), охрана заставила всё снять, одежда охране самой нужна. На голое тело рваные штаны, кухвайку, так они называли фуфайку. В таком наряде на лесоповал. Если дождь, ливень, куда прятаться? Под дерево встаёшь. Огромное пушистое, а минут через двадцать с него как хлынет водопадом, лучше бы сразу на дожде стоять. Возвращаешься в лагерь весь мокрый, вата влагой напитается, идти тяжело, тело преет.

Дневальный в бараке обычно доходяга какой-нибудь, на работу не ходит, чаще больной и старый, он как вернёмся в барак, кричит:

– Одежду собирай.

Спали на голых нарах. У каждого кирпич в головах. Гололицы выдавали, но мы их хранили. Две эти рукавички кладёшь на кирпичик, ложишься на бок осторожно – усталые, голодные – и как лёг, так и встал. Рельса утром застучала – вскакиваешь. На какой бок лёг, на том и проснулся. Штаны под себя, расстилаешь гладенько, кухвайкой укрываешься. Так больше года.

С деяны после дождя приведут, дневальный кричит:

– Одежду в кучу!

У каждого из нас дощечка длиненькая, номер написан.

Е-664 у меня был. Привязываем к штанам и к кухвайке свои номера. Всё мокрое, тяжёлое. Дневальный таскает и таскает, а то и двое их. Сушилка – низенький барак, метр двадцать высота, вдоль стен трубы идут. Раскалённые трубы. Дневальный принесёт после просушки, побросает, мы по номерам ищем одежду, она, как перо, лёгкая и как короб, надо размять, прежде чем надевать. Так и жили. Сдали на просушку, укрыться нечем, голый лежишь; хорошо, если дневальный расторопный – тепло в бараке. Ну, и ребята, кто пошустрее, помогут дров натаскать. А если нет – мёрзнешь.

Два раза из-за кухфаек случился непредвиденный выходной. В сушилке трубы так раскалились, что одежда вспыхнула. Остался лагерь в голом виде. Без штанов на лесоповал не погонишь. Вот это праздник! Отдохнули, вздремнули. Не беда, что кровать – голые доски и нечего подстелить под себя, зато работать не надо. Один раз до вечера провалялись, в другой – перед обедом привезли одежду. И сразу после обеда погнали в тайгу норму давать. Почти год вот так на голое тело надевали кухвайки, потом вдруг выдают рубашки. Окровавленные, простреленные, измятые... Как в тюках лежали...

Нам скомандовали: постирать... Ещё и подремонтировать надо, а я тогда плохо с иголкой обращался. Эдик помогал. На лесоповале мы с ним как братья держались. Эдик – поляк из Харбина, фамилия забавная – Заяц. Отец у него портной и Эдика кое-чему обучил. С Эдиком мы рядом спали.

Хлеб на табак обменивали, поровну делили. И есть хочется, и без табака тяжело. Случалось, дней десять не куришь, кажется – всё отдашь за табак... Как тут не прыгнешь за окурком охранника, что пулю тебе приготовил! Страшно хотелось. Но ничего не поделаешь... Кстати, этот лагерный опыт потом пригодился. Тата моя на второй день после свадьбы говорит:

– Ничего себе табачищем от тебя прёт!

Рубанула. Думаю, надо что-то делать. В лагере терпел, не подох, буду и здесь. На работе, в первом пассажирском автохозяйстве, товарищи дразнили – после обеда сидим, они закурят, и кто-нибудь обязательно дунет на меня дымом... Не хочешь, а вдохнёшь, и так потянет закурить... Год прошёл, а всё тянуло...

Внутренняя тюрьма

Через год после лесоповала нас стали выдёргивать по двадцать человек в Свердловск на следствие. Мы ведь всё ещё оставались подследственными. Приговора не было. Получается, СМЕРШ вёл в Маньчжурии предварительное следствие, тут уже окончательное. Надеялись – после этого будет суд, всё выяснится. Со свердловского вокзала в воронке подвозят к зданию. Красивое двухэтажное здание. Огромные окна. Думаю, что за дом? Это же не тюрьма. Куда нас привезли? Оказалось – не верь глазам своим, тюрьма, внутренняя тюрьма НКВД. Вдоль этих окон коридор сквозной и камеры, камеры...

Впервые тут столкнулся с таким явлением. Воронок подходит, дверки задние открывают, в тюрьме двери открывают, у машины с двух сторон охранники. На подхвате. Да не просто стоят наготове. Каждый норовит в спину ударить прикладом. Какое-то садистское наслаждение. Совершенно не знают нас. Ничем не насолили... Ты из машины, а он, гад, старается садануть прикладом, да посильнее. После такой поездки, бывало, человека по три в больницу попадали. И вылечить не могут.

Привозят во внутреннюю тюрьму, говорить разрешается исключительно шепотом. Чекист командует:

– Следуйте за мной.

У него наган, никаких винтовок, как в лагере. Открывает дверь в камеру, одиночка. Тумбочка, табуретка... Привинчены. Исключено зеку шарахнуть чекиста по голове. Шёпотом:

– Разувайтесь.

Обувь забирают, сиди босиком. Пол тёплый, покрашен, полировано блестит. Чистота. Кровать откидная. И не голые нары – матрас. Да не ватой или соломой набит – пух, перо. А я разучился спать на матрасе... Неудобно, сползает всё время. Утром подъём командуют шёпотом. Открывают дверь и тихо-тихо:

– Пора вставать.

Ничего не должны по соседству слышать. Всё тишком, по-чекистски. Кровать к стенке на крючок. Сижу, руку положил на тумбочку, он в окошечко увидел, открывает дверь, шепчет:

– Руку с тумбочки уберите!

Руки должны быть на коленях. Сидишь так в напряжении и думаешь: скорей бы ночь, отстегнуть перину да лечь. Дня четыре мариновали. Потом стали регулярно вызывать. Полковник сначала вёл допрос, потом капитан. Был полный допрос в Хайларе, теперь здесь. Но процентов на пятьдесят в сравнении с хайларским меньше. Каждый день шёпотом на допрос приглашают, захожу, здороваюсь с полковником, он отвечает на приветствие.

Дело моё приподнял над столом:

– Скажите, а иначе не могло быть?

– Это с моих слов записано, – отвечаю, – это я лично говорил.

Записи хайларские заметные. Географические карты смершевцы разрезали, может быть, трофейные японские, с одной стороны писали. Бумага толстая.

Полковник в записи смотрит, допрос ведёт, пометки делает.

Задаёт вопрос:

– Вы были настроены против советской власти в Маньчжурии. Мы вас выпустим, а вы начнёте свою агитацию в Советском Союзе.

– Позвольте, – говорю, – вы меня выпустите, пожалуйста, и посмотрите, последите за мной. Никогда я не был против советской власти. Как это я против своей родины? Раз народ выбрал эту власть, я тоже из народа. У меня мама в Советский Союз уехала, выйду из лагеря, найду её, папу приглашу из Китая, вместе будем жить.

А сам думал, может, и папа в лагере, и Женька.

Я ничего не знал о них, о маме...

В 1957-м в Омске пошел в серый дом, в КГБ. Один из наших земляков съездил к родственникам в Китай, погостил. Я прекрасно понимал, что я – особая статья, политический, но будь что будет. За мной уже не следили. А первые три месяца раз в неделю ходил отмечаться у офицера КГБ. Ещё он жив, однажды столкнулись на рынке. И слежка была...

Как-то выхожу утром, автослесарем в первом пассажирском автохозяйстве работал, жили на Совхозной, перехожу через улицу и обратил внимание – по диагонали «бобик» стоит. На следующий утро выхожу, опять «бобик», номер вчерашний... Так несколько дней. Я не выдержал, что уж совсем за дурака держать, подошёл:

– Вы хотя бы номера меняйте...

И ведь стали менять...

С месяц слезка продолжалась... Зато, может, потом эта слезка мне на руку сыграла.

Трое нас одновременно обратилось в серый дом за разрешением поехать в гости в Китай. Один, как и я, отсидел по 58-й, ему отказали, мне разрешили. Может быть, в результате той самой проверки записали меня в благонадёжные... Как я обрадовался. С женой и дочерью разрешили. Дочь Наденька малютка совсем, девять месяцев.

Отец за двенадцать лет очень изменился. В моём представлении красивый, статный мужчина. В 1957-м ему и шестидесяти не исполнилось, а выглядел стариком. Седой... Нас встречал на вокзале едва ли не весь русский Хайлар. Да и китайцы. У дедушки моей супруги – Иннокентия Ивановича – управляющим был Ли Ян, китаец, он прознал, что Та-та приезжает, километров сто пятьдесят проехал, чтобы по-видаться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.